

ПРОБЛЕМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЭП В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

А.Р. Валеев, студент 1 курса биотехнологического факультета

Научный руководитель: Е.В. Тозонова, кандидат философских наук, доцент.
ФГОУ ВПО «Ульяновская государственная сельскохозяйственная академия»

8 (8422) 62-18-17, Aflicted73@gmail.com

Ключевые слова: *Новая экономическая политика, «военный коммунизм», продразвёрстка, продналог, восстание.*

В статье рассмотрены предпосылки и сущность НЭП в сельскохозяйственном производстве. Отмечены основные направления аграрной политики, и проблемы её осуществления.

Новая экономическая политика была принята 15 марта 1921 года X съездом РКП(б), сменив политику «военного коммунизма», проводившуюся в ходе Гражданской войны. Новая экономическая политика имела целью восстановление народного хозяйства и последующий переход к социализму. Главное содержание НЭП — замена продразвёрстки продналогом в деревне (при продразвёрстке изымали до 70 % зерна, при продналоге — около 30 %), использование рынка и различных форм собственности, привлечение иностранного капитала в форме концессий, проведение денежной реформы (1922—1924), в результате которой рубль стал конвертируемой валютой.

К 1921 Россия буквально лежала в руинах. От бывшей Российской империи отошли территории Польши, Финляндии, Латвии, Эстонии, Литвы, Западной Белоруссии, Западной Украины, Карской области Армении и Бессарабии. По подсчётам специалистов, численность населения на оставшихся территориях едва достигала 135 млн. Потери на этих территориях в результате войн, эпидемий, эмиграции, сокращения рождаемости составили с 1914 г. не менее 25 млн человек.

Объём сельскохозяйственного производства в России сократился на 40% в связи с обесцениванием денег и дефицитом промышленных товаров. Крестьяне, возмущённые действиями продотрядов, не только отказывались сдавать хлеб, но и поднялись на вооружённую борьбу. Восстания охватили Тамбовщину, Украину, Дон, Кубань, Поволжье и Сибирь. Крестьяне требовали изменения аграрной политики, ликвидации диктата РКП(б), созыва Учредительного собрания на основе всеобщего равного избирательного права. На подавление этих выступлений были брошены части Красной армии.

Реквизиционные методы изъятия продразвёрстки, отчаянная борьба крестьян за физическое выживание вследствие военно-коммунистической политики были причинами сначала негативного отношения крестьян к власти, а потом собственно крестьянских восстаний в Поволжье. «Вилочный мятеж» и «чапанная война», охватившие, главным образом, уезды Казанской, Симбирской и Самарской губерний, уже в 1920 г. показали всю глубину противоречий между властью и обществом, переросших в их противостояние. Драматические события начала 1921 г. не оставляют никаких сомнений в том, что власть стремительно утрачивала не только способность контролировать политическую ситуацию в регионе, но и доверие населения.

Ряд декретов, положений, вышедших после X съезда РКП(б), направленных на разрешение гнетущей атмосферы, не сразу успокоили население. «Правильное и спокойное ведение хозяйства на основе свободного распоряжения земледельца продукта-

ми своего труда» декретировалось и декларировалось как приоритетная политическая линия новой власти. Анализ социально-экономического положения в регионе показывает, что продналог снял общественное напряжение, свободный обмен одобрялся крестьянами, но настороженность к нововведениям сохранялась из-за продолжающейся практики карательного способа изъятия у них продуктов, зерна, семян.

В результате весной 1921 г. в средне волжских селениях поля засеивать было нечем. Это предопределило начало голода, когда уже с осени питание населения строилось на суррогатной основе. Но сбор продналога проходил без учета этого обстоятельства. «Берут налог, а выходит хуже прошлогодней разверстки! Все основано на обмане. Указано, что излишки – на улучшение своего хозяйства, а здесь выходит совершенно другое». Отождествляя продналог с продразверсткой, крестьяне не понимали смысла новой политики. Сбор обязательного платежа с урожая 1922 г. вызвал тяжелый продовольственный кризис и стал единственной причиной ухудшения положения крестьян, которые не только не стремились к «наибольшему вложению в землю затрат», а, напротив, сокращали посевные площади, продавали или забивали скот.

Фактически, политический кризис 1921 г. перерос в продовольственную катастрофу 1921/22 гг., показавшую, во-первых, невозможность введения рынка директивным способом; во-вторых, отсутствие институциональной защищенности собственности, деформирующее любые попытки её реализации. В результате продналог действительно превратился в продразверстку, и все последующие законодательные акты были направлены на то, чтобы приостановить разрушительное действие порочной практики изъятия сельхозпродукции «до последнего зернышка».

Нововведения власти в сфере использования земли вызвали определенные изменения в сельском хозяйстве, выразившиеся, прежде всего, в увеличении посевных площадей, но не в результате качественного улучшения обработки земли, а из-за необходимости потребительски застраховать себя как на случай неурожая, так и разверсточных норм продналога.

Законодательные акты 1923 г. по освобождению от уплаты налога беднейших слоев населения, сложению недоимок по натуральному налогу 1921/1922 гг., задолженности по семсудам или её отсрочке объективно были направлены на совершенствование налоговой политики в деревне. Но фактически этими действиями власть страховала от голодной смерти лишь беднейшие слои населения, тем самым стимулируя их вступление в кооперацию.

Обследование средневолжских деревень специальными комиссиями местных властей летом 1923 г. показало, что крестьянские хозяйства после пережитых испытаний были очень слабы и, конечно, стремились объединиться в артели, коммуны, товарищества, чтобы получить технику, орудия, рабочий скот для обработки земли. Однако эффективность этих объединений была низкой. Сельхозинвентаря не хватало, средств на его приобретение не было. В кооперативных лавках сырьё и продовольствие отсутствовали. «Частник и торгаш», приходившие на помощь сельчанам в решении насущных хозяйственных задач, ослабляли положение кооперации и делали её совершенно непопулярной в крестьянской среде.

1923 сельскохозяйственный год, считавшийся урожайным по сравнению с предшествующим периодом голода, излишков не дал. Поэтому очередной сбор продналога вызвал волну протестных настроений. Грубое обращение продинспекторов, простаива-

ние в очередях у налоговых касс по 6-7 суток и порча находящегося все это время под открытым небом сдаваемого зерна были серьезным основанием для категорического отказа крестьян выполнять налоговые обязательства. Подобные факты заставляли их усомниться в искренности намерений властей, порождали безразличное отношение к НЭПу. «Часть крестьян смотрят на НЭП как на поворот к старому, другие как на временную меру», отмечалось в сводках ОГПУ.

Законодательство 1924 г. вновь обратило внимание местных властей на дальнейшее развитие кооперирования, но не для улучшения сельскохозяйственного производства, а «для борьбы с частным капиталом» в деревне с помощью предоставления беднейшим слоям кредитов, налоговых льгот. Но и эти средства не были действенными. Наметившаяся тенденция увеличения посевных площадей была ослаблена засухой, а затем недородом 1924 г., вызвавшими резкое снижение урожайности и, как следствие, сокращение скотоводства, поголовье которого стало постепенно увеличиваться после голода 1921/22 гг. В результате продовольственная обстановка в регионе снова ухудшилась. В начале 1925 г. 85% населения Самарской губернии питалось суррогатами, а 50% жителей Саратовской губ. – голодало. Все это ставило под удар доходность – главный показатель крестьянского хозяйства, который, например, в Симбирской губернии снизился на 50% по сравнению с дореволюционным периодом. Только к концу 1925 г. определилась рыночная направленность средневолжских хозяйств, о вовлеченности которых в денежный оборот свидетельствуют данные крестьянских бюджетов.

Среди рассматриваемых районов наибольший капитал в 648,3 руб. на 1 хозяйство имела Самарская губерния, которая занимала лидирующие позиции и в условно-чистом доходе на 1 хозяйство и на душу, составив 419,0 и 68,8 руб. соответственно. По показателю капиталов на 1 дес. сельскохозяйственной площади первое место занимала Ульяновская губ. (73,8 руб.), за которой шла ТАССР (62,1 руб.), потом Самарская губ. (27,2 руб.). Однако в пересчете на душу населения доходность в регионе была низкой и составляла 29 руб., тогда как в Центрально-промышленном районе – 42,4 руб. Душевые нормы приобретений товаров в крестьянских хозяйствах характеризуют губернии Среднего Поволжья как слабых потребителей, когда на 100 душ приобреталось 10 пар обуви или аршин шерстяной ткани.

Доходность крестьянских хозяйств обеспечивалась количеством землепользования, которое к середине 1925 г. сформировало в регионе преимущественно их средняцкий состав, в большинстве случаев обеспеченный инвентарем и землей. Считавшийся устойчивым, этот тип хозяйств, тем не менее, чаще всего эволюционировал в бедняцкую группу, которая занимала вторую позицию в количественном отношении. В этих хозяйствах всегда имелся избыток рабочей силы и едоков при недостатке площади пашни. При нехватке средств для ведения хозяйства им приходилось продавать живой и мертвый инвентарь либо за деньги, либо за обработку. Не справляясь с землей, они сдавали её в аренду за плату более сильным хозяйствам, что и составляло их главный доход.

Зажиточная часть крестьянства количественно была наименьшей группой. Она производила излишки хлеба, скота, пользовалась наемным трудом и соответственно имела тесную связь с рынком. Однако многосемейность этой группы заставляла снижать её доходность до уровня середняцкой или, как, например, в Татарской Республике, даже ниже середняцкого хозяйства.

Самыми многоземельными считались кулацкие хозяйства, которые по сравнению с вышеперечисленными были самыми сильными, но слабее своих дореволюционных предшественников. Их главной целью было не накопление в своих руках земельной собственности, а концентрация денежного капитала путем торговых и промышленных операций, кредитование местного населения, отдача в аренду инвентаря, скота и прочее. С каждой из этих групп власть выстраивала особую систему взаимоотношений: на основе преференций с беднейшими слоями и запретов разного рода с зажиточными группами.

Такая избирательность вызывала протестную ответную реакцию последних в периоды налоговых сборов. Вырастив хороший урожай, получив излишки хлебной продукции, но не имея возможности их выгодно продать, крестьяне саботировали сдачу сельхозналога. Совпадение его со сбором семсуды и по страхованию, ошибочное определение доходности в сторону её увеличения и соответственно неправильное составление окладных листов вызвало недовольство всех слоев населения. Резко отрицательное отношение крестьян к продналогу подогревалось отсутствием в кантонах и уездах промышленной продукции, либо её дороговизной. Данные обстоятельства обусловили провал заготовительной кампании и экспортно-импортного плана 1925/26 гг., который завязал основной узел противоречий, получивший свою драматическую развязку во II половине 1920-х годов.

В общем, НЭП благотворно сказался на состоянии деревни. Во-первых, у крестьян появился стимул работать. Во-вторых (по сравнению с дореволюционным временем) у многих увеличился земельный надел — основное средство производства.

Стране требовались деньги — на содержание армии, на восстановление промышленности, на поддержку мирового революционного движения. В стране, где 80 % населения составляло крестьянство, основная тяжесть налогового бремени легла именно на него. Но крестьянство было не настолько богатым, чтобы обеспечить все потребности государства, необходимые налоговые поступления. Повышенное налогообложение на особо зажиточных крестьян так же не помогло, поэтому с середины 1920-х стали активно использоваться иные, неналоговые способы пополнения казны, такие, как принудительные займы и заниженные цены на зерно и завышенные цены на промышленные товары. Как следствие, промышленные товары, если рассчитать их стоимость в пудах пшеницы, оказались в несколько раз дороже, чем до войны, несмотря на менее высокое качество. Образовалось явление, которое с лёгкой руки Троцкого стали называть «ножницами цен». Крестьяне отреагировали просто — перестали продавать зерно выше того, что им было нужно для уплаты налогов. Первый кризис сбыта промышленных товаров возник осенью 1923 года. Крестьяне нуждались в плугах и прочих промышленных изделиях, но отказывались покупать их по завышенным ценам. Следующий кризис возник в 1924-25 хозяйственном году (то есть осенью 1924 — весной 1925). Кризис получил название «заготовительного», поскольку заготовки составили лишь две трети ожидаемого уровня. Наконец, в 1927-28 хозяйственном году — новый кризис: не удалось собрать даже самого необходимого.

Однако народное хозяйство пришло к противоречию: дальнейшему продвижению к рынку мешали политические и идеологические факторы, боязнь «перерождения» власти; возврату к военно-коммунистическому типу хозяйства мешали воспоминания о крестьянской войне 1920 года и массовом голоде, боязнь антисоветских выступлений.

Всё это вело к разногласиям в политических оценках ситуации.

Библиографический список:

1. Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. НЭП и его судьба //Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988.
2. Ибрагимова Д.Х. Социально-аграрная политика государства в массовом сознании сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1995.
3. Соколов А.К. Об изучении социальных преобразований советской власти (1917-1930-е годы) //Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2-х тт. М.: Наука, 2002. Т. 1. С. 110.

**«ГРАФЕНОВАЯ ЛИХОРАДКА» КАК ИМПУЛЬС
К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ**

**М. Валинщикова, студентка 2 курса экономического факультета
тел. 89021288201**

**Научный руководитель: Е.С. Кривова, ассистент кафедры
«Экономическая теория»**

**ФГБОУ ВПО «Ульяновская государственная
сельскохозяйственная академия»**

Ключевые слова: графен, технологическая модернизация, нанонаука, технологический и инновационный прорыв, научная революция.

Статья посвящена открытию отечественными учёными К. Новоселовым и А. Геймом нового материала «графена», который может стать импульсом к технологическому и инновационному прорыву и переходе России на новый технологический уклад (технологической модернизации).

Американский физик, лауреат Нобелевской премии, Р.Ф. Фейнман в 1959 г. первый высказал предположение, что в будущем различные устройства и материалы будут создаваться на атомарном или молекулярном уровне и по существу стал основателем нанонауки. Но только изобретение в 80-е годы XX столетия сканирующего туннельного микроскопа (СТМ) и атомно-силового зондового микроскопа (АСМ), а также получение новых стабильных углеродородных наноструктур (фуллеренов и нанотрубок) дало новый толчок развитию этой науки.

В настоящее время нанонаука является всеобъемлющей научной дисциплиной, которая будет задавать тон в развитии промышленности XXI века в целом. Потребность в наноматериалах испытывает не только электроника, но и другие отрасли – транспорт, машиностроение, строительство и др. Успехи фундаментальных наук в области изучения, создания наноматериалов, разработки нанотехнологий и наноструктур, а также перспективы использования этих достижений столь значительны, что вполне ожидать в скором времени новой технической революции.

Что ждёт Россию, если она не сможет перейти на очередной технологический уклад?